

ПИСЬМА А. Я. НАДСОН (МОКЕЕВОЙ) К М. В. ВАТСОН

(Публикация М. Д. Эльзона)

Письма младшей сестры поэтического кумира восьмидесятников XIX в., оказавшего несомненное влияние и на П. Ф. Якубовича, и на крупнейших представителей русской поэзии 1890—1910-х гг. (Д. С. Мережковского, Н. С. Гумилева), к его близкому другу и издателю Марии Валентиновне Ватсон (урожд. Де Роберти де Кастро де ла Серда, 1848—1932), как это ни парадоксально, оказались вне поля зрения надсоноведов 1930—1990-х гг. Между тем, казалось бы, и «Старый дом» с посвящением «А. Я. Надсон» (Русская мысль. 1887. № 3. С. 14) и «По-забытые шумным их кругом — вдовоем...», и «Ты помнишь, воздух гордышал отравой зноя...» (оба — 1882), и эпистолярный (см.: Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912; 2-е изд., 1913) должны были бы привлечь к ним внимание, тем более, что *лучший* издатель поэтического наследия Надсона, Ф. И. Шушковская, ввела в читательский обиход начало поэмы «Шалуныя» и стихотворение «Мать» («Спите, ребятки, умялись ноженьки...») (оба — 1878, 5-летие смерти А. С. Надсон; см.: Полное собрание стихотворений. Л., 1962; 2-е изд., стереотип., 2001).

Впервые публикуемые письма охватывают более чем тридцатилетнее общение Анны Яковлевны Надсон (в замужестве Мокеева, 1864—1917?; в справке Ф. И. Шушковской годы жизни не приведены; 2-е изд., с. 455) с адресатом. Из 37 имеющихся писем (ф. 402, оп. 2, № 368; 1 письмо обнаружено среди писем А. Н. Мокеева, № 366) для настоящей публикации отобраны 23 наиболее значимых. В них описаны последние — тяжкие — годы жизни поэта, содержатся истории надгробного памятника (от проекта М. М. Антокольского до установки) и имущественного дела А. Я. Надсон с Мамонтовыми, зафиксированного в обширных

воспоминаниях Андрея Лескова, подтверждается двоюродное родство с академиком (1929) Г. А. Надсоном, не зафиксированное ни в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, ни в Новом энциклопедическом словаре, ни в трех изданиях Большой Советской Энциклопедии. Существенный интерес представляет последнее письмо, содержащее сведения о пребывании в Мариинской больнице Ф. Ф. Фидлера, скончавшегося в разгар Февральской революции.

В то же время письма позволяют корректировать идиллические представления о безвременно ушедшем поэте, наглядно демонстрируют его человеческие качества, сказавшиеся в разгар предсмертной болезни на отношении к рабски преданной ему сестре.

Очевидные описки исправлены без оговорок.

1

<12 (24) февраля 1885 года, Петербург.>

Многоуважаемая
Мария Валентиновна!

Извините, пожалуйста, что я решилась Вас беспокоить моим письмом, но прийти я, право, не имею возможности вследствие того, что завалена уроками и даже часто хвораю. Все это время я буквально нигде не была и этим приобрела много недругов, но все же смею надеяться, что Вы не будете слишком жестоки и отнесетесь ко мне великодушно, как и всегда.

Все мои недоразумения понемногу разъясняются, но все-таки обстоятельства сложились так, что я не могла до сих пор повидать Вас и поговорить, а потому позволяю себе, хотя бы ради брата, попросить Вас черкнуть мне слова два о его здоровье.¹ Я пишу к нему каждый вторник, но ответов не получаю; это меня все сильнее и сильнее беспокоит, хотя я знаю, что он никому не пишет.² Вы, кажется, получаете изредка известия от какой-то барыни, а может быть, и от него, и потому прошу Вас убедительно — не заставляйте меня очень долго ждать и не откажите на мою просьбу ответить мне. Ваше письмо должно будет во многом открыть мне глаза, и мне бы очень хотелось, чтобы Вы были откровенны, как и раньше, и помнили, что я сестра всеми любимого Надсона.

Должна Вам сказать, что есть у меня надежда на Вашу доброту, которая должна во всем мне помочь. Итак, мне остается терпеливо ожидать Вашей весточки и свободной минуты повидаться с Вами и выразить мое почтение и уважение.

Целует Вас и просит не оставить
А. Надсон.

Р. С. Мой нижайший поклон Эрнесту Карловичу³ и Лику⁴ целую.
12го февраля 1885 г.

Вторник.

<Л. 1—2 об.>

¹ Архив А. Я. Надсон (Мокиевой) утрачен.

² См. единственное письмо С. Я. Надсона к сестре (Проза. Дневники. Письма. СПб., 1912. С. 573—576).

³ *Ватсон Эрнест Карлович* (1839—1891) — публицист, переводчик; муж М. В. Ватсон (урожд. Де Роберти де Кастро де ла Серда) с 1874 г. См. о нем статью В. Э. Богграда (Русские писатели: Биогр. словарь. М., 1989. Т. 1. С. 397—398).

⁴ *Ватсон Лидия Эрнестовна* — дочь М. В. и Э. К. Ватсонов.

2

<Конец июня 1885 г., Вейсенбург>¹

Относительно могу сообщить Вам лучшие известия, дорогая Мария Валентиновна. Дело в том, что когда мы приехали, я просила Гюг<енена>² осмотреть Сеню, что он и сделал в тот же день в 5 ч<асов> и сказал мне, что по одной каверне в каждом легком, но если найдет, что хуже, сейчас мне скажет. Вчера был и велел пить воду, сегодня снял первый раз и пока ничего определенного сказать нельзя, но <с> Галк<иным>³ разговаривали и спрашивали и обнаружил маленькую надежду судя по тому, как на него сегодня повлияло. Спал порядочно, был один припадок кашля и пот небольшой. Г<югенен> прописал какое-то лекарство с морфием от кашля. Посмотрю, что будет дальше. Давыдова собирается быть в понедельник.⁴ Надо будет с ней переговорить обо всем хорошенько. Бережется мало, сквозняков не оберегается и на меня ворчит, когда я забочусь. Говорит с Галкиным все время и конечно сегодня больше кашляет; сейчас померю температуру. Перевязка делается по 2 раза в день; начинаю беспокоиться, что-то будет. Надо стирать, тороплюсь. Как-то Вы там, что Вас встретило? От души желаю всего хорошего и устроить дела, а главное взять и вылечить Лику.

Крепко целую обеих. Скоро напишу.

Ваша Аня.

<Л. 7 об.>

¹ Время и место установлены по письму С. Я. Надсона к врачу Николаю Андреевичу Белоголовому (1834—1895) от 1 (13) июля 1885 г. (Проза. Дневники. Письма. С. 598—599).

² Лечащий врач С. Я. Надсона.

³ Знакомый Надсонов.

⁴ Давыдова Александра Аркадьевна (1849—1902) — издательница, общественная деятельница, жена известного виолончелиста и композитора, с 1876 г. — ректора Петербургской консерватории Карла Юльевича Давыдова (Давидова, 1838—1889).

3

<1 (13)—2 (14) июля 1885 г., Вейсенбург>¹

1/13 июля 1885 г. Понедельник.

К общему нашему сожалению, дорогая Мария Валентиновна, на этот раз не могу Вам сообщить ничего утешительного; здоровье Сени не только не улучшается, но он все сильнее и сильнее начинает хандрить, лихорадка все та же — утром 37, иногда меньше, а вечером между 38 и 39. Спит разве немного лучше, принимая по 2 ложки опиума (т. е. микстуру). Слабость невыразимая, и даже вчера с ним сделалось дурно. Я говорю с Гюгененом, спрашиваю, но он отвечает, что это ничего, что не важно, не серьезно. Сене он очень нравится, и действительно он очень милый, добрый и хороший человек. На мои глаза Сеня еще больше похудел, глаза впали и какие-то страшные. На днях с ним случилась штука, перепугавшая меня. За обедом он разговаривал с нами, и был он спокоен, как вдруг начал жаловаться, что у него что-то с головой, что он видит разные видения как воспоминания каких-то снов и все так неприятно; я струсил и позвала доктора; он опять сказал, что это от слабости. Со вчерашнего дня Сеня начал пить молоко, а сегодня докт<ор> дал еще какую-то водку, вливать туда по 2 столовых ложки. По утрам жалуется на усталость, на боль и ломоть в ногах, а сегодня и рана его беспокоит, гной все идет. С Кокером² не советовался, встретил его только в коридоре и обменялся обычными пустыми фразами; я хотела пригласить, а Сеня не позволил. Завтра опять пристану к Гюгенену, чтоб он сказал мне свое решительное мнение, и тогда напишу Вам обо всем. Пока у Сени все прорываются желания уехать — то в деревню Гаршина, то еще куда-нибудь. К сожалению, на днях уезжает здешний наш знакомый купец с женой; с ним все было как-то веселее, и Сеня забавлялся, наблюдая их купеческие нравы.³ На меня нападает страшно; пропали 2 газеты с его рецензиями: «Новое время» и «Новости»,⁴ говорит, что я потеряла, когда я их даже не видела, не досчитывается ал<ь>бомчиков двух к<о>т<о>р<ых>, как я помню, и в Берне уже не было, да кроме того не могу найти коробочку с конвертами и бумагой; не помните ли, куда Вы убрали. Иногда нападет, что тон не такой, что лицо неровного цвета, что нос красный и т. п. Но, конечно, это легко можете понять, раз как сами испытали, а за столом или вообще при других мне наказанье: ругает без вины, стыдит и обижает. Конечно,

смалчиваю и терплю, пока могу. По ночам сплю мало, а днем не дает, вследствие чего у меня к вечеру бывает страшное нервное расстройство. Его повязки стираю сама по вечерам. Давыдова ничего не пишет и не присылает денег, несмотря на то что я ей обо всем написала, т. е. она пишет, что придет в субботу, но о деньгах ни полслова. Сению это сильно беспокоит, а между тем он не может отказать себе в удовольствии съесть каждый день ягод и сладкого, притом варенья хочет, и я варю с разрешения доктора варенья и даю ему вишен и землянику. Спасибо Вам за заботы обо мне, но, к сожалению, адреса Надсона⁵ не знаю, а по плану моему найдете. <...> Только что говорила с Сеней по этому делу, и он говорит, что Вы энергичный человек, сделаете все, что можно; предупреждает, что дядюшка «Собака» и думает, что лучше как-нибудь по закону вытащить у него деньги.⁶ Но это дело слишком трудное и о нем нельзя так легко говорить; конечно, мы будем несказанно рады, если что-нибудь можно будет получить. Отчего Вы ни слова не пишете об Алек<сее> Ник<олаевиче>.⁷ Писать Вам буду как можно чаще, об этом не беспокойтесь. От Фаусека получила 2 письма,⁸ так сочувственно и мило. От Мережковского сегодня получили письмо, пишет, что очень устал и что грустит у Давыдовых. Собирается приехать к нам.⁹ Идельсон¹⁰ пишет часто, Вам кланяется.

Сегодня 14-ое, только что был доктор и сказал, что должен взять ванну, и обещал заходить каждый вечер; я очень рада, потому что по вечерам Сене всегда хуже. Скажу Вам по секрету, что он просто не позволяет мне Вам писать все, что я бы хотела, боится Вас напугать, хотя на этот раз худшего нет. Спал не хорошо, кашлял много; вечером 38,8 без антипир<ина>, а сегодня до и после ванны по порошку и потом лежать, чтоб не простудиться. Рана все свистит и в некоторых местах не подживает. Сейчас должна дать третий стакан воды; устроила, что будят в 7 ч<асов>, а не в 6 ч<асов>, а то он никогда не высыпается. С папиросами просто беда, здесь хороших нет, а все 25 шт<ук> по 1 ф<ранку> и 1½ с<ан>т<има> купим по его просьбе «какие есть», а он и не курит — слабы. Иногда курит даже отвратительные сигары. Просил прислать из Берна, писал Давыдовой, и никто не верит, что здесь не достать. Наши вещи еще не приехали из Парижа.

Скоро опять буду писать, а пока крепко целую Вас и Лику, желая всего хорошего. Пишите почаще; <Сеня> Лику благодарит за письмо, а Вас за книги, очень доволен, лежит и читает. Шлет Вам 200 000 всяких всячин. Просит всех писать, и будьте здоровы.

Любящая Вас Аня.

Как устроились с квартирой и т. д.?

<Л. 3—5.

Л. 4 об.: план места проживания Г. А. Надсона (см. примеч. 5)>

¹ Место написания установлено по письму С. Я. Надсона к N. N. (М. В. Ватсон) от 6 (18) июля (Проза. Дневники, Письма. С. 601).

² Врач.

³ См. письмо С. Я. Надсона к М. В. Ватсон от 3/15 июля: здесь «какой-то большой купец с женой; человек очень милый и добродушный, хотя, очевидно, очень мало образованный» (Проза. Дневники. Письма. С. 600).

⁴ О каких публикациях идет речь, установить не удалось.

⁵ *Надсон Георгий Адамович* (1867—1940) — микробиолог, ботаник, академик (1929); двоюродный брат поэта и корреспондентки, сын состоятельного купца.

⁶ *Мамантов И. С.* — брат матери, опекун С. Я. и А. Я. Надсонов.

⁷ «Очень беспокоит меня молчание Плещеева», — писал С. Я. Надсон М. В. Ватсон 8 июля (Проза. Дневники. Письма С. 602).

⁸ *Фаусек Виктор Андреевич* (1861—1910) — зоолог, в декабре 1884—первой половине января 1885 г. отдыхал с поэтом в санатории супругов Жава (Ницца). См. его письма к М. В. Ватсон (ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 565).

⁹ 6 июля С. Я. Надсон писал «N. N.»: «По письму сегодня должна приехать Давыдова с Лидой и Мережковским» (Проза. Дневники, Письма. С. 601).

¹⁰ Врач.

4

<5 (17) июля 1885 г., Вейсенбург>

5-е июля
Воскресенье

Дорогая Мария Валентиновна.

Вчера вечером получила письмо на Ваше имя и тороплюсь его переслать,¹ но писать особенно много Вам не буду сегодня, а после Давыдовой напишу подробно. Пока скажу, что сегодня Гюгенен нашел, что соенок выглядит лучше и что он думает, что поправление последует. Новость приятная, но только бы не ошибиться. Вчера ему велено было взять ванну, и оказалось, что она была холодна, вследствие чего у него болят немного зубы и начинается флюс. Спал хорошо, кашлял мало, аппетит хороший, сидит много на воздухе. Пока еще не дали другой комнаты, а в этой немного свежее других. Присылайте каких-нибудь книг, а то он заскучал, пока еще держится, ходит гулять довольно далеко.

Говорит, что оставшаяся фистула не заживает сама по себе. Сегодня здесь должен быть Коскер, узнали от Гюгенена, но для кого и зачем — не знаем.² Галкин через неделю уедет, и слава Богу, он большой враль и противный болтун. Барышня Якимова³ очень милая, бережет Сеню и следит за здоровьем, не позволяет много говорить, а Галкин все наоборот отлает. Я жаловалась Гюгенену, что Сеня много болтает, а он сказал, что попросит Галкина не болтать так много с Сеней и лет-

ний костюм тоже надевать не позволил. Жилетку еще не шила, вожусь с повязками и платками. Ваших два Вы забыли взять. Сеня скоро напишет Вам.⁴ Кланяйтесь от нас Лике, будьте здоровы и не скучайте. Скоро напишу опять.

Любящая Вас А. Н.

Напишите Белоголовому, чтоб написал Сене.⁵

<Л. 6—6 об.>

¹ Имеется в виду письмо Л. Э. Ватсон (см. тот же вопрос в письме С. Я. Надсона от 6 июля) (Проза. Дневники. Письма. С. 601).

² 6 июля С. Я. Надсон писал М. В. Ватсон: «Сегодня я встретил здесь Кохера — приехал в гости к Гюгенену» (Там же).

³ О ней (не называя фамилии) как о знакомой В. А. Фаусека, лечившейся в Ментоне, С. Я. Надсон писал М. В. Ватсон 3 июля (Проза. Дневники. Письма. С. 600).

⁴ См. письмо С. Я. Надсона, датированное следующим днем, 6 июля (Проза. Дневники. Письма. С. 601—602).

⁵ См. следующее письмо.

5

<7 (19)—8 (20) июля 1885 г., Вейсенбург>¹

8^е июля 1885 г.

Среда

Хотя у нас поздно сегодня, дорогая Мария Валентиновна, но все-таки я напишу Вам несколько строк.

Особенно утешительного пока ничего нет, хотя Гюгенен говорит, что он выглядит лучше; что касается меня, то я этого не нахожу; конечно, это я приписываю действию вод; может быть, в медицине признается это хорошо, но лихорадка не прекращается, только что было 38,9 1/2 в 0 ч<асов> вечера при 4 порошках антипирина. Ходит он много, несмотря на то что это ему запрещено. Сегодня даже аппетит был плохой, и притом сильно устает <?>. Завтра попрошу Гюгенена выслушать еще раз грудь; после воды ни разу еще не слушал. Сене очень он нравится. Завтра уезжает Галкин в 8 ч<асов> утра. Все мы, «русские», очень рады.² О Давыдовых ни слуху, ни духу, телеграфировала сегодня, но ответа не последовало; право, не знаю, как быть; завтра подадут счет, а у меня уже немного денег, т. е. хватит еще на неделю, а потом что делать, если Давыд<ова> не откликнется?

Сеня по обыкновению требует то ягод (40 с<антимов или> 1 ф<ранк>), то папирос (20 шт<ук> 1 ф<ранк> и 1 1/2 ф<ранка>) и ка-

ждый день конфет на 1 ф<ранк>. На все это выходит порядочно, да кроме того вино 3 франка бутылка. Вы понимаете, что отказывать ему нельзя, а что делать, если останемся без денег. Антипирин выписывали из Туна вместе с горчичниками. 10 франков. На все идет страшно много денег. Боюсь, что скажет завтра Гюгенен, когда его выслушает; на ночь принимает опиум по столовой ложке в слабом растворе, спит иногда лучше от него и меньше кашляет. По утрам выпивает большую чашку какао и съедает маленькую булочку с маком. В 12 1/2 часов дают обед, но от завтрака до обеда он всегда просит что-нибудь, и я варю ему вкрутую яйца. В 7 ч<асов> ужин из 4 блюд. За табельдот вечером редко ходит, устает, а за обедом с трудом высидивает все полтора часа. Для сада у него есть очень удобное складное кресло, на нем можно даже лежать, не только сидеть, но он, конечно, капризничает. Якимова (из ментоновских знакомых) очень за ним ухаживает, следит за каждым шагом для его здоровья; он иногда слушает, а иногда говорит мне, что она ему надоела. Здешний климат прекрасный, я толстею здесь теперь, как бочка, а он все так же худ. Получили на днях из Берна письмо от доктора, зовет нас на праздник, но мы не поедем.³ Сеня скучает, что почти никто не пишет,⁴ здесь нечего читать; пожалуйста, высылайте все, что найдете угодным, и побольше. Желудок неважно действует от опиума. Комнаты второй нам еще не дали, да я и не хотела бы: одного его оставлять на ночь нельзя, сами знаете, и кричать в другую комнату неудобно, но он настаивает ради опасности для меня. По-моему это глупости и лишняя трата денег. Пишите о себе, как нашли бедную Лику и вообще, как устроились Вы на лето. Просите всех писать, пишите сами, а то он беспокоится, не случилось ли что-нибудь с Вами. Вот Вам пока все новости, конечно, малоутешительные, но не выщипайте с любящей Вас А. Надсон.

Получили письмо от Белогол<ового>, но, кажется, Сеня уже писал Вам об этом.⁵ Сеня хотел теперь даже приписать Вам страничку, но, верно, припишет завтра утром,⁶ а теперь уже он спит давно. Пожалуйста, просите всех писать ему.

<Л. 10—11 об.>

¹ Датируется в соотношении с предыдущим и письмом С. Я. Надсона к М. В. Ватсон от 12 (24) июля (Проза. Дневники, Письма. С. 602—603).

² «Сегодня уехали Г<алкины>, чему я душевно рад; надоели мне до смерти» (Проза. Дневники. Письма. С. 602).

³ «Бернский доктор, — сообщал С. Я. Надсон М. В. Ватсон 6 июля, — продолжает меня бомбардировать письмами и поклонами от жены» (Проза. Дневники. Письма. С. 601).

⁴ «От Питерцев писем ни от кого не получаю: Гаршин, Фаусек, Плещеев, Крестовская — все молчат» (С. Я. Надсон — М. В. Ватсон 6 июля).

⁵ 6 июля: «Вчера <...> получил письмо от Белоголового — ответ на Ваши два письма: настоятельно советуют оставаться в Вейсенбурге, потом на Беатенберг» (Проза, Дневники. Письма. С. 601).

⁶ Судя по постскриптому («Не пишет ли Вам Н<юша> глупостей?»), подразумевается письмо, явно продатированное М. В. Ватсон, от 8 июля 1885 г. (Проза, Дневники, Письма. С. 602).

6

<9 (21)—10 (22) июля 1885 г., Вейсенбург>¹

Пишу Вам только для того, дорогая Мария Валентиновна, чтобы не оставить Вас без известия, хотя нового почти ничего нет. Сегодня получила телеграмму от Давыдовой, что завтра приедет, и тогда, конечно, найдется больше Вам писать. Сеня все время жаловался на боль ноги, т. е. и раны и около ступни на левой ноге; сказала доктору, велел сделать компресс. Утром был очень взволнован, даже начал плакать, но потом успокоился. Лихорадка все упорствует и даже при приемах антипирина гораздо сильнее. Сказала доктору, что завтра будет Давыдова и расспросит его о Сене; испугался и будет завтра его выслушивать и посмотрит рану, а то, право, не допросишься.²

Сегодня от Белоголового получил письмо, особенного ничего не пишет и советов никаких не дает, и сам спрашивает, вследствие чего я решаюсь ему написать, не дожидаясь его обращения ко мне; возьму и напишу.

Не могу Вам объяснить, как я рада, что приедет Александра Аркадьевна.

Вчера не успела кончить, зато теперь напишу Вам, что за ночь его кашель принял другой характер, теперь идет мокрота в большом количестве; спрошу доктора, хорошо ли, что его все тянет и чуть ли не рвет. Вчера вечером лихорадка 38,7 при трех порошках, а без антипирина было 38,2. Кашлял ночью сильно, и все мокрый кашель. Он иногда поговаривает серьезно о том, чтоб нам уехать назад, что не видит пользы, а только вред, что он видит, как худеет, и т. п. Но до сих пор, конечно, я сама ничего не решала; увидим, что скажет сегодняшней день.

Давыдова еще письменно перетягивала в Беатенберг, но вчера Гюгенен сказал, что влияние вод узнается только через три недели. В четверг, 11-го июля, будет 3 недели, интересно, что то будет. Кстати, 11-го июля [у] М-те Граве день Ангела, должно быть, Вы тоже забыли и нам не дали адреса, а то бы мы ее поздравили. Ну да это, конечно, глупости. Сеня просит Вам передать, что Вы «сова», «птица», «векша», «куница», «киса», «форель», вот и все. Ко мне пристал сегодня ночью, что я, гадина, шиплю и что упала с дождем на землю.

Из Берна ему прислали хороших папирос, а здесь я нашла его «Мустафу», но уже по 50 сант<имов> пакет, а не 25. Картину Винкельрида³ тоже прислали, а зато из Парижа наши вещи не едут до сих пор, и я должна ходить в своей черной [1 нрзб.]. Начал вчера пить молоко и, по счастью, выпил два кувшина, а чтобы молоко было полезнее и вкуснее, доктор дал ему известковую воду по 2 ст<оловых> ложки в стакан. А желудок все так же нетерпелив, как и раньше, но, кажется, это от антипирина. Вот теперь все написала и потому кончаю. Лике поклоны посылает от микроскопического до гигантского, так что выбор большой, а Вам кланяется еще по поручению здешней совы в клетке. А я крепко целую Вас и Лику.

Вся Ваша А. Н.

<Л. 8—9 об.>

¹ Датируется в соотношении с предыдущим и письмом С. Я. Надсона к М. В. Ватсон от 12 (24) июля (Проза. Дневники, Письма. С. 602—603).

² 12 июля С. Я. Надсон писал: «Приехали Давыдова и Мережковский, переговорили с Югеноном, и он решил, что я очень хорошо сделаю, если уберусь отсюда в Беатенберг» (Там же. С. 603).

³ Очевидно, имеется в виду полотно с изображением подвига крестьянина Арнольда Винкельрида, героически погибшего в битве при Земпахе (1386 г.).

7

<После 13 (25) июля 1885 г., Беатенберг>¹

Милая и дорогая
Мария Валентиновна!

Вы, конечно, на меня сердиты за молчание, но я до сих пор боялась Вам писать такую горькую истину, что Сене с каждым днем делается плоше; о подробностях писать не буду, так как вполне убеждена, что Вы, любя безгранично брата, сделаете ему последнее удовольствие и немедленно приедете в Беатенберг. Добрые Давыдовы обо всем заботятся, но очень стесняются, что Вы, может быть, не имеете столько денег в настоящую минут и потратите много времени, чтобы их найти, предлагают Вам отправиться с этой карточкой и взять, сколько Вам угодно. Я думаю, и почти поручилась, что Вы не будете претендовать на Алек<сандру> Арк<адьевну>, к<о>т<о>р<ая> очень тревожится, боюсь, что Вы огорчитесь, но умоляю Вас, сделайте это и приезжайте скорее.

Сеню все здесь любят, но, несмотря на это, он страшно хандрит. В Россию ехать сделалось его *idée fixe*, и я не берусь за страшную обя-

занность везти его таким слабым; Вы знаете, что я очень неопытна в этих делах и могу сильно попортить. Он боится, что Вы его не пустите в Россию, но, конечно, мы никто в этом не сомневаемся.

Вид у него изменился, глаза как-то потускнели, но, несмотря на то, он все же иногда надеется, что еще поправится. Раздражается не очень часто. Жилетка его приходит к концу, и он доволен.

О Лике скажу, если не обидитесь, что <...>

[Далее текст размыт и испорчен.]

<Л. 12—13 об.>

¹ Датируется по письму С. Я. Надсона к М. В. Ватсон от 12 июля (из Вейсенбурга): «Завтра (в субботу) уезжаю в Беатенберг» (Проза. Дневники. Письма. С. 603).

8

<24 февраля (8 марта) 1887 г., Петербург>

Милая Мария Валентиновна, благодарю за хлопоты и спешу Вам сообщить мое решение: службу можно начать в 11 ч<асов>, значит, в 12 ч<асов> придется служить панихиду на могиле на кладбище; надеюсь, что желающие почтить память брата найдут это не слишком ранним часом. Нахожу лишним брать певчих, тем более, что так дорого; надо принять в расчет, что и так будет все дорого стоить. Положим, за обедню 15 р<ублей>, но входит ли сюда плата священнику, хорошо ли Вы сговорились, не за одну ли это церковь? Кроме того, надо будет купить свечей, хоть можно и без них. На чай всем служащим при церкви и публикация в Новом Времени¹ — все это будет что-нибудь стоить.

Конечно, я не жалею денег, но где же взять, когда их нет. Было бы чинно и прилично, а за роскошью мне не тягаться. Не правда ли? Наконец, в крайнем случае можно будет с кладбища поехать, там близко, до Эгерской церкви. Я приеду туда к 10 или 10½ часам и присмотрю, чтобы хорошенько прибрали и заплачу с 4-го февраля по 4-е марта за могилу смотрителю и сторожам.

Надеюсь, что никто не осудит меня, что я не в состоянии устроить торжественную службу, но Бог увидит молитву нашу и без певчих, лучше сделать что-нибудь более полезное, тем более, что я сомневаюсь, чтобы было много народу на литургии, а панихиду удобно слушать без певчих.

Как жаль, что до сих пор нет ничего определенного относительно вечера; меня многие спрашивают, и я не знаю, что отвечать. Где же и

когда можно будет достать билеты желающим быть и подробную афишу, чтобы узнать, по крайней мере, о часе, когда начнут.² Как здоровье Эрнеста Карловича?

В Новом Времени объявлю на последней странице в четверг.³ В пятницу освобождена от занятий вечерних, так что надеюсь быть к началу.

До пятницы.

Жму сердечно Вашу руку.

Ваша Надсон.

24-го февраля 1887 <г.>

<л. 14—15>

¹ См. примеч. 3.

² Вечер состоялся в пятницу, 27 февраля, в Зале Кононова, в 8 часов вечера. Билеты продавались в книжном магазине Н. Г. Мартынова и «у швейцара» Зала. Вступительное слово «О поэзии Надсона» произнес К. К. Арсеньев. Стихи Надсона и собственные читали П. И. Вейнберг, Д. С. Мережковский, А. Н. Плещеев, А. М. Жемчужников, Я. П. Полонский. В концерте приняли участие В. Н. Давыдов, пианист Д. Д. Климов и др. Программу см.: ИРЛИ, ф. 402, оп. 3, № 15, л. 4.

³ Объявление было помещено на четвертой странице (последняя — шестая) среди траурных (в рамках) извещений: «В пятницу, 27-го февраля, в сороковой день кончины Семена Яковлевича Надсона совершена будет заупокойная литургия и панихида в Пономаревской церкви на Волковом кладбище в 11 ч. утра» (Новое время. 1887. 26 февр. (10 марта)).

9

<3 (15) марта 1887 г., Петербург>

3 марта
1887 <г.>

Разорвите, Бога ради, когда прочтете.

Дорогая Мария Валентиновна, простите, если я жестоко поступаю, растрavляя Вашу рану; но чувствую потребность поделиться с кем-нибудь тем, что переполняет за эти дни мое сердце; в этом же отношении Вы мне ближе всех и дороги тем, что разделяете мое горе. Вы меня поймете и в память брата не осудите. Я так привыкла, что перед праздниками всегда надо было или писать Сене, или в Носковцы¹ послать что-нибудь, а теперь... Но как Вам выразить то, что душит меня, что не дает мне покоя. Сознание, что никого нет, о ком подумать или кого поздравить, — но ведь это до отчаяния доводит меня. Чувствовать, что одна, одна-одинешенька на всем белом свете и нигде никто не вспом-

нит обо мне с любовью — это ужасно... Я не нахожу слов выразить Вам то, что чувствую. Бывало, пишешь ему заранее, а потом считаешь, где письмо, когда дойдет, а в день получения его радуешься, думаешь: «Вот сегодня получил, вспомнил обо мне», и этим довольствуешься, знаешь, что ответа не будет, и опять до следующего письма, ждешь, выдумываешь, чем заинтересовать.

А теперь-то, теперь, да пожалейте же, М<ария> В<алентиновна>, ведь я не могу больше носить маску и играть веселую комедию, когда сердце рвется на части и никакой, никакой отрады. Больно вспомнить о родных, ну, да Бог с ними. Сейчас перечитала его последнее письмо — за что же он меня и тут так обидел?² Если бы он знал, как пуста и противна мне моя жизнь без него, ах, если бы на минуту только, чтобы сказать одно слово, взглянуть... Простите, дорогая, меня, не судите, но я не могу больше; мне душно, мне невыразимо тяжело и выхода нет никакого из этого отчаянного положения. Смотрю на все его карточки, и они мне кажутся таким ничтожеством. Не показывайте никому этой исповеди, пусть она умрет в Вас, а мне будет легче, что я поделилась своими чувствами с Вами, кот<о>р<ая>, надеюсь, не правда ли? Не отвергнете? Да, кругом все чужие и некому сказать того теплого привета, который я обращала только к нему к одному и знала, что не оттолкнет он меня, хотя и пожурит. Его одного я любила так свято, и теперь никого у меня не осталось. Завтра причащаюсь. Желаю Вам по возможности всего хорошего. Так никому не говорите об этом письме, если хоть немного любите Семину сестру.

Крепко целует Вас

Аня Надсон.

<Л. 16—17 об.>

¹ Село Винницкого уезда Подольской губ, где С. Я. Надсон отдыхал осенью 1885—весной 1886 г.

² Это письмо неизвестно.

10

<8 (20) июня 1887 г., Петербург>

8го июня
1887 г.

Давно ожидала я от Вас письма, дорогая Мария Валентиновна, и вот, получив его сегодня с большой отрадой, спешу отвечать Вам. Но что я могу сообщить Вам интересное, ведя такую скучную, однообраз-

ную, бездеятельную жизнь. Из дому выхожу очень редко; недавно была на кладбище, подвязала и привела в порядок цветочную [вазу? 2 нрзб.] от цветов, потому что все рвут, не дав распуститься; купила два новых веночка и разбранила всех сторожей и смотрителей; оказывается, что все жалуются на то же, но усмотреть невозможно, потому что по воскресеньям на кладбище бывает такое многолюдное гулянье до самого вечера, что сторожа не знают, что и делать. Посылаю Вам обещанное; хотела получше, но ничего, надеюсь, что пока не разрослось.

Спасибо Вам за теплые Ваши пожелания, но, к несчастью, им еще долго не осуществиться. В самый день рождения¹ получила единственную телеграмму от Мамантовых; целый день меня не было дома, и чтобы хоть несколько забыться, я его провела в Зоологическом саду. Не получая ни от кого подарков, я сама себе его сделала в виде мольберта и рамки, что мне обошлось в 28 р<ублей>, и теперь у меня портрет стоит, уже вложенный в рамку.²

От Кулишера еще ничего не получила, но думаю пойти все же к нему и узнать, что он, сделал с моей бумагой что-нибудь или нет?³

Больно слышать мне от Вас, милая Мария Валентиновна, что у меня вся жизнь впереди; я уже Вам делала сравнение по этому поводу с голодным, к<о>т<о>рому обещают дать есть еще через несколько дней, а пока хоть умри, так и я — у меня отчаянное настоящее, я задыхаюсь и мучаюсь теперь, а Вы мне сулите что-то впереди, а теперь каково? Сознание моего одиночества убивает меня, и даже тот друг, о к<о>т<о>ром я Вам говорила, — не друг мне больше, и тут приходится разочаровываться; причины самые уважительные: я заметила, кроме пустоты и мелочности, еще и подлость, неделикатность и даже холопство (простите за слово). При таких условиях моя прежняя дружба существовать не может, и отношения мои делаются день ото дня все более натянутыми. Поговорить не с кем не только по душе, но запросто; кругом такой пустой люд — казенный, — что подчас нивомогу. Читать не могу, ничего в голову не идет; дневник бросила, даже К<арлом> Ю<льевичем> стала меньше интересоваться; до всех и до всего все равно. Одна грусть непрерывная, гнетущая вечно верна мне и не покидает ни на минуту и чем дальше, тем тоскливее сжимается сердце, тем более убеждаешься, что все случившееся не сон, а правда, и как вспомнишь, что это навсегда... Никогда не увидишь... Боже мой, что лучше смерти в данное время... Вы меня простите, что Вас расстраиваю, но кипит у меня на душе и надо облегчить ее, а кому могу я сказать хоть капельку и кто поймет меня и кто может сочувствовать; впрочем, вспомню его и стараюсь лишить себя последней отрады, высказаться, и молчу.

О своем здоровье скажу, что полнею от бездельной и сидячей не с привычки жизни, а лучше бы обратное действие.

Не знаю почему, но боюсь Вам писать, все кажется, что кто-нибудь, кроме Вас, читает мои письма, т. е. входит в потайник моей души, а потому стала невольно недосказываться.

Мамантовы не перестают звать к себе; потом поеду погостить.⁴

Мой низкий поклон Э<рнесту> К<арловичу> и поклончик Лике; что поделывает, здорова ли?

Невыразимо жаль мне Давыдовых, особенно бедного К<арла> Ю<льевича>; была бы все же очень рада узнать о его здоровье; черкните, если узнаете. — У Фену книги есть («Лит<ературные> очерки» Сенины),⁵ а у Хрущева-Сокольниковца была два раза, но карточки не видела, не было художника. — Пишите почаще, пожалуйста, дорогая Мария Валентиновна, хоть о погоде, все равно, лишь бы сознавать, что есть люди, которые помнят меня, и я с удовольствием буду отвечать, хотя почти нечего; нигде не бываю, никого не встречаю, а только аккуратно газеты ежедневно читаю; писем тоже не получаю — не от кого.

Напишите, приехала ли Люба⁶ и вообще обо всех все, что знаете.

Прощайте, дорогая Мария Валентиновна; крепко целую Вас при пожелании исполнения Ваших желаний. Любящая Вас Ваша Аня.

P. S. Помните, что письма — мое единственное удовольствие.

<Л. 18 (в траурной рамке) — 19 об. (тоже).>

¹ 26 мая.

² Очевидно, подразумевается портрет (маслом), выполненный осенью 1885 г. в Носковцах «одним заезжим художником» (письмо С. Я. Надсона к сестре 11 нояб. 1885 г. Проза. Дневники, Письма. С. 606).

³ Кулишер Михаил Игнатьевич (1847—1919) — юрист, публицист; в 1880—1886 гг. — издатель киевской газеты «Заря», в которой печатался С. Я. Надсон.

⁴ См. следующее письмо.

⁵ Петербургская книгопродавческая фирма, созданная педагогом Николаем Осиповичем Фену (1832—1903; «Н. Фену и К^о»).

⁶ Очевидно, Филиппова Любовь Васильевна («Графиня Лида»).

11

<10 (22) июня 1887 г., Петербург>

10го июня
1887 г.

Дорогая Мария Валентиновна, завтра еду к Давыдову и свезу Ваше письмо, думаю, что я его легко найду, но о себе говорить лично не буду, за Грузенберг<а> попрошу, хотя первый раз слышу это имя.¹

Предположение Антокольского прекрасно, если только удастся исполнить, но он потребует крупную сумму,² а взять негде, но, конечно, унывать пока смешно; надо пробовать, что можно. А было бы очень хорошо, если бы такое художественное произведение стало памятником! Идея чудесная.

Энергия же у Вас тоже чудесная; вот если бы вместо денег ее можно было бы в ход пустить, то недостатка бы не было. К Шапиро отправлюсь в воскресенье или понедельник,³ что же касается моих карточек, то я колеблюсь их отсылать, в них вся моя отрада и вдруг потеряются, и я ни при чем останусь. Конечно, в крайнем случае придется послать; но я уж проучена с моей черновой тетрадью Сениных стихов, которая осталась у Суворина, а Вы ему дали.⁴ То же может и с карточками быть.

Сомневаюсь, чтобы Давыдова что-нибудь устроила теперь — нет расчёту. Отчего это с книгой такая проволочка? Я жду ее с нетерпением. Ради Бога, как только выйдет, — пришлите скорее.⁵

Мой ответ на Ваше письмо несколько запоздает, потому что я уезжала на 4 дня в Любань, теперь же опять поеду туда после 26-го июня (день свадьбы Мамантова).⁶ К Кулишеру не решаюсь пойти, хотя рядом бываю иногда.

Мое здоровье очень хорошо, чувствую себя силачом, и даже от избытка сил готова была бы подраться. — Читали воскресный фельетон Михневича?⁷ Нравится ли? 3-го числа была на могилке; на днях опять поеду. С цветами ничего не поделать — все обрывают, к 19-му⁸ приберусь опять покрасивее. Боюсь, что директор наш не позволит воспитанницам спеть панихиду на кладбище. Собираюсь в «Новости», чтобы дали место публикации.⁹ Что же это Люба молчит? Неужели и до сих пор не ответила Вам? Во всяком случае, мой адрес имеется на кладбище у Василия, и если она там будет, то мне тоже скажет сторож. В последний раз опять кто-то положил венок.

Мамину могилу я тоже отделала и на кресте написала не Фомина, а Надсон.¹⁰ Кроме прогулок на кладбища, нигде не бываю, если не считать поездку в Любань. А завтра в Шувалово приеду из Удельной, где должна побывать у Г<ригория> В<асильевича> Бардовского в больнице, по поручению, конечно.¹¹

Как Вы поживаете? Здоровы ли? (не сердитесь). Что поделявает Эр<нест> Кар<лович> и Лика? Передайте им мой поклон.

Кроме газет, ничего не читаю; целый день сижу дома, и все не хватает времени на дело.

Передали ли Вы мой поклон Давыдовым и как здоровье К<арла> Ю<льевича>. Отчего это А<лександр> А<ркадьевна> ничего о нем не пишет?

Крепко целую Вашу руку и шлю мой горячий поцелуй.

Пожелайте мне всего хорошего ко дню Ангела; Сеня прислал телеграмму в прошлом году. Вот только воспоминания во мне живы, а ко всему остальному я отношусь безразлично — превратилась в булыжник.

Любящая Вас
Аня.

<Л. 20—21 об.>

¹ Возможно, имеется в виду юрист, общественный деятель *Грузенберг Оскар Осипович* (1866—1940) или его старший брат, врач *Самуил Осипович* (1854—1909).

² Имеется в виду проект памятника на могиле С. Я. Надсона. Выполнен Марком Матвеевичем Антокольским (1843—1902) и Ильей Яковлевичем Гинцбургом (1859—1939); см. следующие письма. См. также их письма к М. В. Ватсон (ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 36 и 153). Фотографию надгробья см.: Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.: М., 2004. С. 558.

³ Имеется в виду проект фотопортрета С. Я. Надсона, выполненный в ателье К. Шапиро-второго (угол Садовой и Гороховой, д. 36). (К. К. Шапиро — москвич).

⁴ Тетрадь исчезла при подготовке второго издания «Стихотворений» (1886).

⁵ Подразумевается выпущенный Литфондом том «Литературных очерков» (СПб., 1887).

⁶ См. предыдущее письмо.

⁷ *Михневич Владимир Осипович (Иосифович)* (1841—1899) — публицист. Подразумевается напечатанный под псевдонимом «Коломенский Кандид» в «Новостях и Биржевой газете» (7 июня 1887 г.) очерк «Конченная» (о выпускнице женского учебного заведения).

⁸ Полугодие смерти С. Я. Надсона.

⁹ Хроникального извещения о панихиде.

¹⁰ Антонина Степановна Мамантова (Мамонтова) первым браком Надсон, вторым Фомина умерла от чахотки в 1873 г. В «Петербургском некрополе» могила не обозначена (А. Я. Надсон-Мокеева жила в Гатчине).

¹¹ *Бардовский Г. В.* (ум. 1907) — присяжный поверенный (см.: Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 1. С. 142).

12

<19 июня (1 июля) 1887 г., Петербург>

19го июня
1887 г.

I

Вот и 19-е июня прошло, дорогая Мария Валентиновна; вот уже полгода, как его нет, а я все еще жду, что вот-вот увижу его, услышу голос и сама успею сказать ему только одно слово. Передо мною стоят в

вазочке цветочки, чтобы не забыть послать их Вам с могилки. Но, чтобы не упустить чего-нибудь из виду, расскажу все по порядку.

15-го июня отправилась в контору «Новостей» с намерением или застать Нотовича,¹ или узнать, когда он бывает, чтобы попросить поместить объявление. Его не застала, но мне сказали, что 16-го он будет к 1 часу; иду опять — и Нотович не принимает, — занят. Секретарь справляется, в чем дело; я даю свое объявление и говорю, что прошу Нотовича дать место; секретарь приходит назад и передает от Нот<овича>, что нужно разрешение Грессера,² чтобы я сейчас же шла туда. Несмотря на то что я мигом была там, я никого не застаю, а в канцелярии мне чиновники сказали, что такого рода объявления напечатает любая редакция; откладывая на завтра нахожу невозможным и пользуясь благостью другого отделения конторы «Новостей» иду туда и говорю, в чем дело; молодой человек нашел возможным поместить мое объявление о панихиде и обещал попросить Нотовича поместить его; конечно, я беспокоилась, что не лично его прошу, и будет ли это ловко, но мой собеседник меня уговорил и обещал все устроить. Я успокоилась и отправилась к Шапиро.

Карточки посланы полдюжины, как Вы просили, но не все виды, и я просила отправить остальные. — На следующий день хватаю «Новости» и поражена, что напечатали на четвертой странице.³ 18-го же объявления вовсе нет и сегодня опять не было. Не говорю уже о том, как на меня подействовало это свинство Нотовича. Если ему нужны те три-четыре рубля, то я ему отдам их, но не напечатать, когда просят, и даже выпустить на второй день...⁴ Право, с каждым столкновением убеждаешься, что литераторы в высшей степени неделикатны, и потому я их терпеть не могу. Если он не хотел сделать это для меня, то для памяти Надсона он обязан был напечатать.

Конечно, я не буду никогда с ним объясняться, но по-настоящему следовало бы ему это растолковать. У меня уже было намерение пойти в «Новое время» и там отдать объявление, потому что там берут без придирки. Воспитанниц взять петить нельзя было, а панихида назначена была в 1 час дня. Я приехала раньше; по дороге хотела купить цветов, но только выбранилась с мужичьем и пришла с пустыми руками на кладбище. Василий указал, где купить цветов, и я опять побежала; купила 1 горшок душистого горошку, 2 горшка петунии, 2 горшка флоксов и 7 лобелии; садовник посадил мне, а старые цветы пришлось некоторые бросить, остались одни палки; веточки я тоже переменяла. К 1 часу пришли 2 барышни, не знаю, кто, 3 господина (должно быть, репортеры) и — Иван Иванович Горбунов, милый человек, с ним я все время беседовала, и после панихиды долго еще мы сидели на скамейке.⁵ В четверг он хотел быть у меня. Когда я ехала домой, то была уверена, что в этот день Вы не оставите меня без письма, и очень опе-

чалилась, узнав, что нет письма. Вы уж давно мне не пишете, Марья Валентиновна, здоровы ли?

<Л. 22—23 об. Продолжение (II) отсутствует.>

¹ *Нотович Осип (Иосиф) Константинович* (1849—1914) — публицист, редактор-издатель газеты «Новости», объединившейся с «Биржевой газетой».

² *Грессер Петр Аполлонович* (1833—1892) — генерал-лейтенант; с 1882 г. — петербургский градоначальник.

³ Помещено объявление о панихиде 17 июня, «в 9-й день кончины Александра Александровича Сапожникова».

⁴ В значении не опубликовать («пропустить»).

⁵ Известен как *Горбунов-Посадов И. И.* (1864—1940) — литературный критик, публицист, педагог; с 1897 г. возглавлял издательство «Посредник».

13

<4 (16) августа 1887 г., Любань>

4го августа
1887 г.

Против моего желания мое письмо несколько запоздает.

Я теперь в Любани, с 1-го числа и останусь до 12-го.

Книгу Сенину я получила 28-го июля и страшно обрадовалась.¹ Ожидала ее к 25-му, вышло бы вроде подарка в день Ангела, но оказалось, что позже. Очень и очень Вам благодарна за хлопоты, дорогая Мария Валентиновна. До первого числа в продаже книга еще не была, теперь же, в деревне, не имея газет, не могу следить за выходом.

Что Антокольский? Неужели откажется; напишите, ради Бога. О Шапиро ничего нового сказать не могу; Ваше письмо получила перед отъездом и не успела заехать в фотографию, но если надо, то я узнаю об этом. О деньгах на памятник я хорошо знала, но боялась спутать что-нибудь, сама же не вложила еще и 50-и рублей по той простой причине, что нет их у меня, но осенью я это сделаю непременно.

К Любе я не имею никакого доверия; пустая трещотка-фокусница. Когда я была у Давыдова, то он не мог мне еще сказать, когда уедет, но теперь Вы можете узнать об этом письменно; напишите прямо в Озерки в театр или Шуваловский парк, дача Елисеева, а впрочем — Исаева, не помню наверно<е>, но лучше в театр; он говорил, что ему так пишут.²

Вы меня не так поняли относительно того, что я к нему не поеду, но это такой пустяк, что не стоит и вспоминать. Жаль только, что Вы так дурно обо мне думаете. В людях же я не нуждаюсь и, напротив, удаляюсь от всех, а не стараюсь сблизиться.

А литераторов терпеть не могу и нахожу их почти всех дурными людьми: грубые, бессердечные, невежи и т. д. Да не доказывают ли они это на каждом шагу? Отчего многие, к<о>т<о>рые могли, не были на панихидах, — а потому, что не из любви приходили к брату, а из интереса. Впрочем, мы не сговоримся.

Перед отъездом в деревню была на могиле, и, конечно, от моих пышных кустов ничего не осталось.

Вы пишете, что чувствуете апатию, не надо было это писать, это сквозит из письма, но знаете ли Вы, что апатия — злейший враг человека?

Наконец, я не могу допустить, чтобы Вы — сама Энергия во плоти — впустили бы к себе апатию. Мария Валентиновна, голубушка, много дел впереди, не падайте духом. Не меня ли Вы поддерживали, а сами-то что же? Надеюсь, впрочем, что вернетесь в город и снова подбодритесь. Мой поклон Э<рнесту> К<арловичу> и поцелуй Лике. А Вас прошу убедительно не хандрить — не к лицу это Вам, моя дорогая; если же не перестанете, то, значит, не хотите исполнить просьбу любящей Вас Вашей Ани Надсон.

Адрес: Любань. По Никол<аевской> железной д<ороге>. Дача Стобеуса.³

Аня.

<Л. 24—25 об.>

¹ Имеется в виду шестое (солдатенковское) издание «Стихотворений» (см. письма К. Т. Солдатенкова к М. В. Ватсон: ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 522; в том числе от 29 марта 1887 г. с благодарностью за присылку «Литературных очерков» и сообщением, что «Стихотворения» раньше июня не выйдут).

² Подразумевается дачный сезон.

³ Эта дача (хозяйка — Екатерина Александровна Стобеус) фигурирует в стихотворении «В альбом» («Мы — как два поезда, хотя с локомотивом...») (1881). Ей же адресованы еще два одноименных стихотворения («Простите безумца за прошлые звуки...») (1881, автограф с пометкой «Любань») и («Непрощенный стучусь я в ваш альбом...») (1880). См.: *Надсон С. Я.* Полн. собр. стихотворений. СПб., 2001. С. 111, 150, 153—154, 429, 435, 436. Сведения о *хозяйке*, Стобеусе, не выявлены.

14

<21 сентября (3 октября) 1887 г.>

21го сентября
1887 г.

Дорогая Мария Валентиновна,
расстались мы у Гаршина, откуда я скоро удрала, не переговорив с Гинцбурггом, вследствие чего он был у меня в четверг, и я сообщила

ему то, что знаю, составляющее все — ничего.¹ Дело вести он не берется,² но будет мне помогать, и в настоящее время я нахожусь в крайне глупом положении; он сегодня письменно просил меня дать ему сведения о звании, имени и отчестве бабушки и местонахождении ее дома;³ я, право же, ничего не знаю сама, и помню только, что бабушку звали Анной Семеновной, а мужа Яков Семенович, дом же был на «Старых местах» и что это настолько же верно, насколько это может оказаться моей фантазией. Но мне действительно не у кого узнать, а писать к Надсону боюсь, да и не сумею ловко выведать. Помогите, ради Бога, как-нибудь; вообще возьмите меня под Вашу энергичную лапку, а то я и теперь уже робею при мысли, что надо будет ездить по судам и подавать всякие бумаги. Кстати, о бумаге. Мою просьбу о «бедности» не уважат (по словам Гинцбурга). Теперь он сочиняет что-то в Киев, а я ничего не понимаю и уже готова бросить кашу недоваренной. Не покиньте меня, голубушка, и защитите от всех страстей.

За книгу спасибо; продала пока 7 экземпляров, но все в наших стенах, потому что за болезнью ног (нарывы сделались на пальцах) почти не выходила. Завтра, должно быть, буду у Ваших соседей,⁴ и, если удастся, то забегу к Вам. Как идет у Вас продажа, уж верно прекрасно?

Сообщите, пожалуйста, что нового? Не видели ли Горбунова-во-ришку, не отдает книгу и стихи, да и только. За эти дни от страха и волнения я еще похудела и почти не сплю. Вести дело все же придется Газим Юрковскому, на что, надеюсь, он согласится.

Лике кланяюсь. Что Э<рнест> К<арлович> и Коля? Вас крепко целую и жду с нетерпением Вашей помощи и защиты, а то от страха придется все бросить и спрятаться в раковину. Как улитка.

Будьте доброй и подумайте за меня, а я буду Вас слушать во всем.
Ваша глупая и трусиха,

гадкая Аня.

Р. S. Не будет ли Лика добра занести Гаршину мою записочку; не знаю адреса; а это ему нужна справка о Н<иколаевском> С<иротском> институте.⁵

<Л. 26—27 об.>

¹ Имеется ввиду кандидат прав *Гинцбург Александр Борисович*. Подготовленное им издание «Русской Правды» (с тремя списками и предисловием и словарем) было осуществлено братом писателя, Е. М. Гаршиным (СПб., 1888).

² Подразумевается тяжба с Мамантовыми из-за наследства; см. следующие письма.

³ 11 ноября 1885 г. С. Я. Надсон писал сестре из Носковцов о поездке в Киев: город «мало изменился, но бабушкиного домика нет и следа, на его месте другой чей-то большой дом» (Проза. Дневники, Письма. С. 606).

⁴ М. В. Ватсон жила по адресу: Малая Итальянская, 24. (см. письмо 15).

⁵ Николаевский сиротский институт (основан в 1837 г.) располагался на набережной реки Мойки, дом 48 (после 1918 г. — Педагогический институт им. Герцена; за справку благодарю библиографа Публичной библиотеки, поэта С. Г. Стратановского).

15

<26 сентября (8 октября) 1887 г., Петербург>

Спасибо Вам, дорогая Мария Валентиновна, что всегда сочувственно и с полной готовностью помочь относитесь ко мне, а я чуть ли не готова все бросить, потому что не знаю, как взяться; Гинцбург, как я Вам, кажется, писала, спрашивал о звании, имени, отчестве бабушки и местонахождении ее домика, больше ничего, но и на это трудно ответить, кроме имени и отчества. Об Авсеенко скажу, что не думаю, чтобы она могла помочь мне. О Степанове подумываю и собираюсь к нему с Ел<еной> Ал<ександровной> Мамонтовой. Может быть, он кое-что знает. Что сказал Гаршин и как Вам понравился Дешевов?¹ Интересно прочесть «Червячка».² На будущей неделе в начале заеду к Вам непременно. Не лучше ли тогда Вы будете одна, а то я боюсь оказаться незванным гостем. От Гинцбурга пока ничего не получала. Ах, да, не будете ли добры заполучить от Кулишера мое канцелярское свидетельство; надо же дать делу ход. Прости<те>, дорогая, что не даю Вам покоя и так злоупотребляю Вашей добротой и в благодарность за все могу предложить лишь мой крепкий поцелуй. Вашим поклон.

Любящая Вас Ваша Аня.

<Л. 28—28 об.>

Датируется по почтовому штемпелю на лицевой стороне сложенного вдвое зубчатого листка с адресом:

СПБург
Ее Высокородню
Марии Валентиновне
Ватсон
Малая Итальянская
д<ом> № 24.

¹ Одноклассник С. Я. Надсона, брат Н. М. Дешевой — адресата многих стихотворений Надсона; ее памяти посвящены три прижизненных сборника.

² Можно предположить, что речь идет о редакции стихотворения «Червяк, раздавленный судьбой...» (1884; см.: *Надсон С. Я.* Полн. собр. стихотворений. М.; Л., 1962. БП. С. 235—236 и текстологический коммент. о публикациях 1884 и 1900 гг. и местонахождении автографов).

<27 октября (8 ноября) 1887 г., Петербург>

27го октября
1887 г.

Дорогая Мария Валентиновна,

Вашу записочку получила сегодня в 2 часа и дожидала почтальона на улице, потому что шла на урок. Очень рада, что портрет так скоро можно будет продавать.¹ Я возьму тоже несколько и постараюсь раздать. К Вам собираюсь в четверг после часу, чтобы засветло отвезти полотно, но советую Вам хоть приблизительно прикинуть цену, хотя надеюсь вполне на добросовестность моих знакомых купцов. Сегодня была по делу у Вольфа в магазине.² Говорят, что «Очерки» расходятся вяло,³ а стихотворения продали сегодня последнюю случайную книгу в переплете за 6 рублей. «С. Я. Надсон» у них совсем не было,⁴ но обещали завтра взять и выставить. Жалуются опять, что нет публикаций. Я учинила капитальную глупость, простите ради Бога. Совсем не обратила внимания, когда главный приказчик сказал, что завтра пошлет в «Новое время» за книгами, не знаю, есть ли там. Не должна ли я была отправить его к Вам. Все же думаю, что Вы простите и постараетесь исправить мою оплошность.

Вчера была у Гинцбурга. Письмо Лескова оставила ему.⁵ Он говорит, что был у меня три раза, но я ничего не знала. Кажется, он охотно занимается моим делом, по крайней мере, он писал уже в Киев, но ответа не имеет еще. Теперь же он выставит все вопросы, на которые доктор Лесков должен будет ответить, и тогда уже можно бы ему написать.

Все же он полагает, что можно что-нибудь получить. Я спрашивала, не лучше ли раньше переговорить с Надсоном, а потом начать уже действовать, но он находит, что тогда тому Каучуку (к<a>к он его называет)⁶ удобнее что-нибудь подстроить. Боюсь только одного — если я дело проиграю, то придется заплатить судебные издержки (с 1 ½ т<ы>сяч > 50 р<ублей>); право, не знаю, на что решиться... Во всяком случае Гинцбург советует подать прошение о несостоятельности и может быть дадут. Вот все, что я ранее <?> узнала. Вообще и он, и сестра были очень любезны, и я пила у них даже чай. В субботу Гинцбург обещал быть у меня и принести те вопросы, к<o>т<o>рые нужно ему знать. Вернувшись из Екат<ерининского> института,⁷ нашла у себя телеграмму от Круглова: «Еще 15 экземпляров Круглов». ⁸ Видно, мои слова подействовали, и <он> хочет нам помочь. Не знаю только, как

сделать: бандероль обойдется в 50 р<ублей>, надо послать посылкой, берут по 6 к<опеек> с 1 фунта, а бандер<оль> — 17 к<опеек>. Завтра ни в каком случае быть у Вас не могу, и с книгами, верно, надо торопиться, если телеграфирует. На всякий случай вот Вам адрес Круглова: Ярославль, Власьевская улица, д<ом> Кучкель. Делайте, как хотите, а если неудобно, то я в четверг заеду к Вам и сама пошлю.

Сегодня узнала еще одну приятную новость — придется заплатить за лекции анатомии, а раньше Дьяковский говорил, что ничего зане⁹ не надо платить. Жаль, что не знаю, сколько. Вот и для меня плохие времена настали.

Так как я уверена, что Вы мне ни в чем не откажете, то и без спросу у Вас позволила себе дать Ваш адрес одному из моих знакомых <?> для ответа на мое письмо. Простите, моя дорогая, что так смело поступила, не предупредив Вас. Письмо, если будет на Ваш адрес, потому что м<ожет> б<ыть> и на мой, потрудитесь как можно скорее переслать мне. Оно должно быть не раньше воскресенья.

2 ч<аса> ночи. Завтра в 7 ч<асов> встану, а в 8 поеду на Петерб<ургскую> сторону, а потому иду спать пораньше; кроме того сегодня очень устала.

Лику благодарю за ниточки.

Крепко целую и обнимаю Вас,
милая и добрая
моя Мария Валентиновна.

Ваша Аня.

<Л. 31—32 об.>

¹ Имеется в виду издание фотоателье К. Шапиро (см. ранее).

² Т. е. «Товарищества М. О. Вольф» — акционерного общества, основанного Маврикием Осиповичем (1825—1883) и руководимого наследниками (женой, сыновьями и племянником).

³ В предыдущем, недатированном письме (л. 30) А. Я. Надсон сообщала: «У Вольфа жалуются, что было мало объявлений о книге, оттого плохо идет».

⁴ Подпись на фотопортрете работы К. Шапиро.

⁵ Иск А. Я. Надсон к Мамантовым поддержал младший брат писателя, врач Алексей Семенович Лесков (1837—1909). О «семейной распре» см. большой фрагмент письма Н. С. Лескова от 7 февраля 1887 г. в кн.: *Лесков Андрей. Жизнь Николая Лескова <...>* М., 1984. Т. 2. С. 155; здесь же воспроизведен инскрипт, где адресат назван «воителем».

⁶ Г. А. Надсон был директором библиотеки Ботанического сада.

⁷ Т. е. Институт ордена Св. Екатерины (1798—1917/1918, наб. р. Фонтанки, 36), где преподавала А. Я. Надсон.

⁸ *Круглов Александр Васильевич* (1852—1915) — беллетрист, мемуарист.

⁹ Заранее, вперед.

<3 (15) января 1888 г., Петербург>

3го января
1888 г.

Дорогая Мария Валентиновна, вот уже целую неделю собираюсь к Вам, но до сих пор еще не могла выбраться из дому, потому что у нас как воспитанницы, так и дамы — все расхворались, и пришлось мне несколько раз дежурить в классе. Кроме того, и сама не хотела никуда выйти, дома лучше, тем более, что у нас горловая болезнь в доме и сильный кашель; хотя теперь больных у нас меньше и сегодня у нас елка. Если завтра будет хорошая погода, то я выйду и сделаю раньше обязательные визиты, т. е. к начальству, а потом и сродственников навещу.

Круглов вернулся вчера, а сегодня объявил мне телеграммой об этом счастье. Собиралась в цирк и в театр, но нигде не была, кроме ёлки в приюте и вечеринки детской, о которой говорила раньше.

Спасибо за хлопоты о часах, но, кажется, мою бумагу подпишет какой-то судья и тогда больше никаких бумаг не потребуется.

Оказывается, что Гинцбурги действительно тяготились знакомством со мной; впрочем, теперь мы разошлись. Если помните, то я Вам говорила, что они уезжают на праздники, а они здесь, я его видела. Вот и опять разочарование в людях, и опять я права. Неужели же они полагали, что я стану надоедать им? Бог с ними.

К Гаршину зайду как-нибудь поздравить с Н<овым> Г<одом>.¹

Спасибо за поздравление, Вы никогда не забываете меня, милая Мария Валентиновна.

Получили ли мою карточку?² Если нет, то поздравляю еще раз Вас, Эрн<еста> Карл<овича> и Лику и желаю Вам всем лучший год.

Будьте здоровы. Любящая Вас

А. Надсон.

<Л. 33—34 об.>

¹ С 1885 по 24 марта 1888 г. жил по адресу Поварской пер., д. 5.

² Т. е. визитную.

<25 мая (6 июня) 1888 г., Петербург>

25го мая

Понедельник

Дорогая Мария Валентиновна!

«Лучше поздно, чем никогда» — гласит русская пословица, и на этот раз применяю ее к себе. Вот в чем дело. Помня отлично 25-е число, я давно хлопотала, чтобы поздравить Эрнеста Карловича,¹ и вдруг — о несчастье! — посылаю на телеграф и телеграмму не принимают,² а вследствие этого мое поздравление будет уже не вовремя, а потому обращаюсь к Вам с просьбой передать Э<рнесту> К<арловичу> мое сердечное поздравление и пожелание всего лучшего.

В Троицын день ездила с двумя поклонницами Сени, из воспитанниц, на кладбище;³ четырех цветочков из Ваших уже не было, но я заменила их другими и повесила венки из сирени.

Вместо утащенных цветов, я присадила Ивана-да-Марьи, незабудок, настурций, чтобы вились у креста, ромашки и от детей гвоздику; вышло очень красиво. Приценялась к простой деревянной решетке, но не по карману — 40 руб<лей>, а потому ограничилась еще одной скамейкой. Следующий раз сорву для Вас цветочек, а пока еще мало цветут, так пожалеем рвать.

От Кулишера (кажется, так) ни слуху ни духу; пусть бы вернул мне мою бумагу, только совестно пойти спросить. Пока не была у Таганцева,⁴ но на днях пойду и к Фену наведу о книге; теперь же была занята проводами Мамантовых в Любань. (Не морщитесь, Мария Валентиновна, я отсюда Вас вижу!)

Завтра тяжкий для меня день; стукнет мне 23 года, но не в этом тяжесть, а в том, что я с каждым годом все больше и больше сознаю свое безотрадное одиночество, и поневоле делается жутко, страшно и грустно, невыразимо грустно. Ни одного теплого письма, ни единой ласки и ничего родственного. — Сознаю, что при таких условиях не за что любить жизнь. Жить, чтобы зарабатывать на одну себя; зарабатывать, чтобы жить бесцельно... Но ведь это пошло и бессовестно! А выхода нет из этого гнусного положения... И даже не с кем посоветоваться, не с кем поделиться тем, что тяготит душу... Эх, Марья Валентиновна, не утешусь я никогда в своем одиночестве и не сниму с себя этого воловьего упряма... А *снять* кому же? Никому до меня нет дела! А, впрочем, я все о себе ною, у Вас и самой порядочная горка печали выросла, да еще я выдумала прибавлять Вам; напишите, как доехали, видели ли К<арла> Ю<льевича> Д<авыдова>, что он, здоров ли и на-

пишет ли мне; как встретили Эр<неста> Кар<ловича>, его здоровье и, наконец, как подействовал на Вас поезд? Мне же писать Вам больше ничего не приходится; жизнь идет своим чередом, однообразно и мелко-глупо, погода начинает устанавливаться, меня же притягивает к домоводству (есть ли такое слово?).

Между возвращенными Вами моими письмами нашла одно, или, вернее, продолжение одного, к А. Н. Плещееву; что с ним делать? Напишите о Солдатенкове.⁵ И вообще пишите; пишите больше, вспомните в письмах «нашего Сеню», и это заменит мне отчасти разговоры о нем, а то и поговорить-то не с кем.

Помните одно, М<ария> В<алентиновна>, что я Вас понимаю хорошо, больше, чем Вы даже думаете. Надеюсь, что поймете и Вы смысл моих темных слов, и если не так выразилась, то простите и не осудите строго мое искреннее послание. Грущу я порядочно, а потому и голова в беспорядке, не умею сосредоточиться над тем, что пишу. Мой поклон Вашим, а перед [три строки не читаются] а пока жму Вашу руку, крепко Вас целую и желая всего более благоприятного.

Ваша А. Надсон.

<Л. 36—37 об.>

¹ Повод не установлен.

² Говорят, что в Дмитриевском почт<овом> отдел<ении> нет отдела телеграфистов. — *Примеч. А. Я. Надсон.*

³ Расширительное толкование праздника предусматривает обряд поминовения.

⁴ *Таганцев Николай Степанович* (1843—1923) — выдающийся юрист; с 1881 г. — сенатор.

⁵ *Солдатенков Козьма Терентьевич* (1818—1901) — московский издатель. См. его письма к М. В. Ватсон по поводу шестого издания «Стихотворений» (ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 522). Смысл просьбы неясен.

<Между 1895 и 1907, Гатчина>

Милая и дорогая Мария Валентиновна, вчера я получила деньги переводом и очень и очень благодарна Вам, голубушка, за хлопоты.¹ Саша² тоже счастлив, что явилась возможность прожить спокойно 2—3 месяца, не думая о том, где бы занять. Одновременно с Вашим письмом посылаю письмо и расписку Анненскому, к<о>т<о>рому пишу так: «Милостивый Государь Ник<олай> Фед<орович>»,³ препровождая при сем мою расписку в получении денег, приношу Вам мою благодарность за удобную передачу их, не заставившую меня явиться в

Петер<бург>, что мне весьма трудно. Не откажите передать при случае мою признательность Л<итературному> Ф<онду> за доставлен<ие> мне возможности улучшить воспитание моих детей, прямых и единствен<ных> племянников Надсона.⁴ Надеюсь, что Фонд не откажет мне и тогда, когда дело коснется определения в учеб<ные> заведения>. С истин<ным>» и т. д.⁵ По поводу определения детей я давно хотела с Вами поговорить; скажите, не надо ли мне заранее начать хлопотать о праве определять детей или это можно только во время надобности. Я боюсь, что чем дальше, тем меньше знакомых и тем меньше будет доступна какая-нибудь просьба; не даст ли мне Фонд теперь какое-нибудь удостоверение в том, что я во время надобности могу обратиться в Фонд с просьбой о ходатайстве с их стороны о воспитании моих детей на льготы Лит<ературного> Ф<онда>. Это такой важный вопрос, который было бы страшно упустить из виду, а потому подумайте, милая Мария Валентиновна, и посоветуйте мне, что надо делать. Конечно, пока дети малы и, слава Богу, отец жив — все еще легче, а как придется через 2—3 года по-настоящему учить, не было бы поздно хлопотать. Будьте добры, и со своей стороны передать от меня Лит<ературному> Ф<онду> мою благодарность; уж Вы лучше меня знаете, что и как надо сказать.⁶ Как Вы поживаете? Что не соберетесь к нам, у нас тут очень хорошо; только черкните, когда; я уж встречу, привезу, дома буду ухаживать и назад отвезу, а Вы у нас отдохнете денек-другой.

Книги старые не бросайте и не отдавайте, я все у Вас заберу — у меня очень просит Воскресная школа, а если детские, то и себе возьму, тем более, что дети в этом году ничего не получают. А что же Ямшиковой статейку можно будет получить?⁷

У нас все по-старому, дети пока сносно здоровы, но маленькому Юрику грозит опять операция под подбородком, что меня сильно угнетает. У нас тут устраивается собрание знакомых на литературных началах и, если удастся, то будет очень приятно. Вообще знакомых у нас здесь очень много и все милые и хорошие люди.

Еще раз спасибо Вам, дорогая Мария Валентиновна, надеюсь, что Вы не на очень долго отложите ответ на это мое письмо. А пока крепко целую Вас, Саша кланяется и благодарит.

Душевно Ваша А. Мокеева.

<РО ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 366 (письма А. Н. Мокеева), л. 6—7 об.>

¹ Имеется в виду пособие от Литфонда, см. далее.

² Мокеев Александр Николаевич (ум. 1909) — врач. 31 июля 1890 г. А. Я. Мокеева писала М. В. Ватсон: «Завтра неделя, как я замужем, и до сих пор мне как-то дико подумывать об этом» (л. 47). Визитные карточки доктора медицины А. Н. Мокеева («Невский

пр., против Пушкинской, д. 108, кв. 11») см. при письмах А. Н. Мокеева к М. В. Ватсон (ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 366, л. 10—13).

³ *Анненский Н. Ф.* (1843—1912) — публицист, экономист, общественный деятель. Брат поэта Иннокентия Федоровича Анненского (1855—1909). С 1895 г. был членом комитета Литфонда, в 1897—1901 гг. — Союза взаимопомощи русских писателей.

⁴ Т. е. дочь Елена, сыновья Георгий и Николай.

⁵ В архиве Н. Ф. Анненского (ИРЛИ, ф. 17) письма и расписки нет.

⁶ 24 октября 1906 г. А. Я. Мокеева писала А. В. Круглову: «Моя Еленка во 2-м классе, очень хорошо учится, Николка в 3-м Реальном <училище> <...>, а Юрка готовится в Реальное» (ИРЛИ, ф. 139, № 218, л. 1—2). 17 сентября 1910 г. она сообщала: «Кажется, наша переписка прекратилась в 1901 году <...>. С 4-го декабря 1909 г. я овдовела [А. Н. Мокеев был похоронен на Гатчинском кладбище; см.: Петербургский некрополь. СПб., 1912. Т. 3. С. 156. Могила утрачена. — М. Э.]. Жить мне очень трудно, надо ставить еще на ноги детей <...>. Лёлька на 3-м курсе Педагогического института, Коля должен в этом году окончить Гатчинский Сиротский институт. Юра еще в 3-м классе» (Там же, л. 303 об.). Письма Н. А. Мокеева к М. В. Ватсон см.: ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 367. Георгий (Юрий) Александрович Мокеев (1894—1966?) окончил Лесотехническую академию, воевал на фронтах первой мировой и гражданской войн. В неопубликованном очерке Леонида Радищева «На линии огня» (РНБ, ф. 1153, № 224; машинопись, 16 л., без окончания; 1961 г.) охарактеризован как «основоположник лесного парашютизма» (л. 14). «Его мать, — писал Л. Н. Радищев, — родная сестра С. Я. Надсона. Племянник поэта с детства помнил эту поэтическую формулу безысходной печали» (т. е. «облетели цветы, догорели огни» из стихотворения «Умерла моя муза... Недолго она...», 1885) (л. 13). Существенно указание в очерке на дневники Г. А. Мокеева (л. 10); к сожалению, их судьба неизвестна. Докторская диссертация Г. А. Мокеева была посвящена «Научным основам совершенствования авиационной охраны лесов от пожара» (М.: Моск. Лесотехн. ин-т, 1966).

⁷ Подразумевается *Ялчицова Маргарита Владимировна* (урожд. Рокотова, 1872—1959), известная под мужским псевдонимом Ал. Алтаев. О какой «статейке» идет речь, установить не удалось.

20

<9 (22) января 1907 г., Гатчина>

9го января
1907 г.

Милая и дорогая
Мария Валентиновна!

Поздравляю Вас с Новым Годом. Что-то он даст нам нового?.. Дай Бог всего лучшего...

Все время собираюсь в город, но так плохо себя чувствую, а теперь еще морозы задерживают меня; пыталась говорить с Вами в телефон, да перепутала №; между тем слышала, что 19-го что-то готовится Литературным Фондом в память Сени. Будьте добры, сообщите мне, где и что будет, тем более, что меня спрашивают здесь почитатели Сени,

а я и сама не знаю. Кроме того, будьте добры, приобретите мне билеты, т<ак> к<ак> я боюсь остаться без оных, приехав только 19-го.¹

Вот еще одно дело: возникает предположение по моей инициативе устроить здесь, в Гатчине, вечер в память брата с благотворительной целью — на голодающих; голубушка, что Вы скажите на это? Как это лучше бы обставить и кого можно было бы просить участвовать? Обыкновенно приезжающим артистам у нас предлагают 5 р<ублей> на проезд. Зала у нас невелика, она же и театр, и клуб, и музыкально-драматический наш кружок. Студенты предлагают рисовать программы, курсистки продавать билеты, а вот исполнителей у нас нет. Для большего успеха я подумываю устроить живые картины на сюжеты стихов, которые будут читаться; это привлекает много участвующих, а следовательно — и много публики.

Одно жаль, что мало остается времени до 19-го, так что придется устроить в конце января. У нас здесь живет художник Жуковский; он поклонник Сени и тоже поможет мне.²

Эх, если бы Петра Исаевича упросить приехать сказать вступительное слово!³ Кто же теплее и лучше его это сделает? Помогите, чем можете, дорогая Мария Валентиновна!

Вообще меня здесь знают за энергичного человека, но я так отстала от Петербурга, что не знаю, кто бы мог читать, мелодекламировать и петь Сенины вещи. Жду с горячим нетерпением Вашего ответа; не томите.

Любящая Вас Аня.

<Л. 54—55 об.>

¹ Вечер с участием П. Ф. Якубовича, К. С. Баранцевича, Е. Н. Чирикова, Н. А. Морозова, Н. Ф. Анненского, Ю. М. Юрьева и других состоялся в Большом зале Тенишевского училища. Писатели читали стихи, артисты исполняли романсы на слова С. Я. Надсона. Зал «был битком набит» (см.: Надсоновский вечер // Биржевые ведомости. 1907. 20 янв.).

² Сведений о нем не удалось найти даже в фонде краеведа Ангелия Николаевича Лбовского (1898—1955) (РНБ, ф. 423; Опись фонда. Л., 1971).

³ Поэт, переводчик, историк литературы *Вейнберг П. И.* (1831—1908) последние годы жизни возглавлял Литературный фонд.

21

<6 (19) сентября 1907 г., Гатчина>

6го сентября
1907 г.

Голубушка Мария Валентиновна, я опять обращаюсь к Вам с просьбой относительно книг Сениных, т<а>к к<а>к до сих пор еще

ничего не получила. Будьте добренькой, не откладывайте на этот раз в долгий ящик, а помогите мне получить книги. Кроме того, у меня есть к Вам очень важное дело; помните, я давно говорила, как мне трудно живется; Вы мне неоднократно предлагали уехать от А<лександра> Н<иколаевича>.¹ В настоящее время я решила искать себе заработок и устроиться самостоятельно; сделать это мне удобно и даже необходимо, ввиду того, что Леночка весной кончает гимназию и хочет поступить в Педагогический институт;² оставить ее одну жить в Петербурге — я не могу, ей всего 16 лет, а потому перееду сама; следовательно, надо усиленно искать что-нибудь; мне все равно — в контору, редакцию, кассу, больницу, заведение учебное или торговое, по хозяйству или административные дела, — что бы ни было — лишь бы платили, а работать я буду.

Думаю поступить на счетоводные курсы Побединского, да нет средств на проезды ежедневные: месячный билет 10 р<ублей> 50 к<опеек> да конки; к тому же ежедневно возвращаться в 1 часу ночи, других поездов нет.

Обдумывала разные предположения — открыть какое-нибудь дело по Гатчине; мертвое болото, в к<о>т<о>ром ничего не может преуспеть. Думала написать Лике,³ нет ли у нее какой-нибудь работы, и если Вы скажете, что она при желании может мне помочь, то я с удовольствием попрошу ее. Укажите мне, куда и к кому обратиться, дорогая Мария Валентиновна, я могу работать, могу быть полезной и хочу какой-нибудь деятельности. Так существовать я больше не в состоянии, помогите мне найти что-нибудь. Больше всего меня привлекает служба в Мариинской больнице надзирательницей,⁴ но как за это взяться, да еще с паспортом жены статского советника, старшего врача Института — я, право, не знаю, а жить не на что!.. Это лето было почти без практики, а трат больше, т<а>к к<а>к сыновей пришлось отдать в Институт и обмундировать заново. В реальном нельзя было оставить — ушел последний хороший преподаватель, а при новом директоре у нас в институте и воспитание, и преподавание обставлены много лучше, чем раньше.⁵

Как бы я хотела скорее найти службу; я бы сняла у Вас комнатку, хозяйничала бы за Вас и за Вами ухаживала, и нам вдвоем было бы веселее, и на душе теплее.

Вспомните, дорогая Мария Валентиновна, мне не к кому обратиться за помощью и я надеюсь, что Вы не забросите это мое письмо под стол, а употребите маленькое старание устроить меня самостоятельно. Крепко целую Вас и сильно надеюсь на Вашу помощь.

Ваша Аня.

¹ 17 сент. 1910 г. А. Я. Мокеева исповедовалась А. В. Круглову: «Если бы не материальные невзгоды, и то, поскольку это касается детей, я считала бы себя удовлетворенной — ведь я не была счастлива замужем» (ИРЛИ, ф. 139, № 218, л. 3 об.—4).

² См. примеч. 6 к письму 19.

³ Дочери М. В. Ватсон.

⁴ Основана в 1803 г., в 1828-м названа в честь имп. Марии Федоровны; в 1936—1992 гг. носила имя В. В. Куйбышева (именовалась Куйбышевской). Адрес — Литейный пр., 56 (см. статью Т. И. Грековой // Санкт-Петербург: Энциклопедия. СПб.; М.: РОССПЭН, 2004. С. 492, с репродукцией гравюры 1820-х гг.).

⁵ Об учебе Георгия и Николая см. примеч. 6 к письму 19.

22

<6 (19) января 1910 г., Гатчина>

6го января

1910 <г.>

Дорогая Мария Валентиновна! Поздравляю Вас с Новым Годом! Пусть он будет для Вас приятным и милостивым! Что касается меня, то ко мне он обратился злой мачехой... Дела мои плохо устраиваются, нигде ни света, ни тепла. Сегодня я окончательно пришла в уныние: от Котляревского и Кареева ни слуху, ни духу, и я беспокоюсь, что ничего мне не будут выдавать как пенсию, а это так необходимо.¹ Замолвите, голубушка, кому знаете, обо мне,² да и о книгах 24-го издания Вы обещали похлопотать; могу ли я надеяться их получить?

Собираюсь в город в скором времени, много есть о чем поговорить. Собираюсь устроить маленькое дельце, чтобы существовать, но пока не решила. Во всяком случае, на этой квартире долго оставаться не приходится, и не позднее конца января обязательно выехать,³ а наем квартиры зависит от решимости моей оборудовать комнаты для поправляющихся и усталых, приезжающих из Петербурга. Доктора советуют мне это устроить, говорят, что есть в этом недостаток. Страшно риску, а без него не на что жить с детьми. Рекомендуйте меня докторам и знакомым.

В настоящее время у меня на «отдыхе» госпожа Лунц с 2-мя детьми и гувернанткой.⁴

Им очень нравится. Грузенберг их, вероятно, знает.⁵ 12-го января открываются курсы Об<щест>ва просвещения у нас в Гатчине, и я, кроме своих «комнат», буду занята еще от 3-х до 4-х часов по вечерам заведыванием хозяйственной частью, за что буду получать 20 р<ублей> в месяц.⁶ Трудновато будет, да надо зарабатывать детишкам на молочишко. Похлопочите, милая Мария Валентиновна, о пенсии в Академическом, а Литер<атурный> ф<онд>, вероятно же, не откажет.

19-го надеюсь, что увидимся. Крепко целую Вас и жду Вашего сообщения.

Ваша Аня.

<Л. 58---59 об.>

¹ Имеются в виду члены Комитета Академического фонда — филолог, первый директор Пушкинского Дома *Котляревский Нестор Александрович* (1863—1925) и историк *Кареев Николай Иванович* (1850—1931).

² «От Фонда получаю 25 р<ублей> в месяц», — сообщила А. Я. Мокеева А. В. Круглову 17 сентября (РО ИРЛИ, ф. 139, № 218, л. 4).

³ «Живу все еще в Гатчине на Люцевской ул., д. № 25, кв. 6» (Там же, л. 3 об.).

⁴ Имеется в виду семья общавшегося с юристами хроникера «Биржевых ведомостей», «Русского слова» и «Нашей газеты» Иосифа Эдуардовича Лунца.

⁵ *Грузенберг Оскар Осипович* (1866—1940) — известный защитник и публицист.

⁶ О своих заработках А. Я. Мокеева сообщала А. В. Круглову 17 сентября 1910 г.: «Когда находятся — беру пансионеров. Уроки продолжаю в гимназии, кроме того, служу в Обществе „Просвещение“ заведующей курсами» (РО ИРЛИ, ф. 139, № 218, л. 3 об.).

23

<9 (22) января 1917 г., Гатчина>

9-го января 1917 г.

С Новым Годом!

Дорогая Мария Валентиновна!

Желаю Вам всех благ и здоровья. Я же начала плохо свой Новый Год и вот девять его дней сижу безвыходно дома; у меня вскочил огромный чирей при t°<температу>ре 38—38,7 и я чувствовала себя отвратительно, тем более, что я одна и не могла иногда даже чашки чаю выпить, когда хотела; ведь у меня прислуга приходящая; особенно жутко бывало по ночам... Теперь мне лучше, но одеваться мне еще больно, а потому я решила Вам написать, т<a>к к<a>к накопилось много дел. Начну с того, что обещанной подписки на год «Нивы» я не получила и, следовательно, и самой «Нивы» не получаю, что мне очень обидно. Я получила три №№ «Нивы», где были помещены портреты, а Г. А. Надсон получил их около 10 и несколько снимков отца; три из них он прислал мне.¹ Будьте добры, дорогая Мария Валентиновна, похлопочите, пожалуйста, чтобы мне высылали «Ниву» согласно обещанию, к<o>т<o>рое я получила по телефону через Вас. Я же не знаю, с кем Вы тогда беседовали и кто Вам давал это обещание. Следовало мне взять с них письменное заявление и тогда уже дать портреты, а не верить их словам; ведь им нужна только нажива, что они и получили. Я так радовалась, что буду иметь «Ниву».

Второе мое дело — это Фидлер.² 1-го января я передала Платное отделение³ другой надзирательнице, и вот в каком положении стоял вопрос о деньгах. Ф<едор> Ф<едорович> поступил в больницу (платную) 8-го ноября (1-я плата в неделю 30 р<ублей>), все недели остальн<ые> по 20 р<ублей> (вперед).

Ноября — 8—30 р<ублей>

— 15—20

— 22—20

— 29—20

Декабря 6—20

— 13—20

— 20—20

— 27—20

Января 3—20

190 р<ублей>

Мною было получено:

Из Лит<ературного> Фонда

в ноябре — 45 р<ублей>

в декабре — 45 р<ублей>

90 рубл<ей>

Их Академ<ии> наук

в ноябре — 45 р<ублей>

90 р<ублей> + 45 = 135 р<ублей>

Внесено в кассу Мариинск<ой> больницы

190 р<ублей>

135 р<ублей> — было всего получено

55 — добавлено из личных моих денег.

Следующий взнос должен быть 10-го января (20 р<ублей>), но т<ак> к<ак> у меня больше нет свободных денег и сама очень нуждаюсь в тех, к<о>т<о>рые уже отдала временно (55 р<ублей>), то будьте добры, сообщите, кому следует, чтобы поторопились со взносом в платную, т<ак> к<ак> иначе я не очень надеюсь на деликатность той надзирательницы, могущей встревожить Ф<едора> Ф<едоровича>, а кроме того — пусть бы и меня не забыли; свое пособие за январь я уже внесла и сижу без денег сама.

Все квитанции о внесении платы в Мариинскую больницу последовательно переданы самому Ф<едору> Ф<едоровичу>. Я многократно говорила по телефону Котляревскому и Венгеру, но их никого не было,⁴ а теперь я не выхожу из квартиры, а телефон в больнице. Вот почему я и беспокою Вас.⁵

Нравственное мое состояние очень тяжелое: детки мои под Ригой, и вся душа изболелась за них.

Крепко Вас целую, дорогая Мария Валентиновна.

Душевно Ваша Аня.

<Л. 60—61 об.>

¹ Подразумевается 48-й номер журнала за 1916 г. (датирован 26 нояб.), посвященный 30-летию смерти поэта. На обложке воспроизведен барельеф-медальон работы

С. А. Уманского (Женева) из собрания М. В. Ватсон, фотографии Я. и А. С. Надсонов, поэта в разные годы, домов, где он родился (Гагаринская, 7) и скончался (Ялта), а также «Уголка Надсона» в Музее 2-го Кадетского корпуса (как иллюстрации к очерку Ник. Жервэ, с. 796—800). Подписка была обещана А. Я. Мокеевой за представление к публикации иллюстративного материала (о ее собрании в печати не сообщено).

² *Фидлер Федор Федорович (Фридрих)* (1859—1917) — педагог, переводчик произведений русских поэтов и прозаиков на немецкий; коллекционер автографов. Создал домашний «Музей русской литературы». Три письма и три телеграммы Ф. Ф. Фидлера к М. В. Ватсон (1887—1914) см.: ИРЛИ, ф. 402, оп. 2, № 583.

³ Мариинской больницы; см. далее.

⁴ «Говорила» в значении «звонила». О Н. А. Котляревском см. примеч. 1 к письму 22. *Венгеров Семен Афанасьевич* (1855—1920) — историк русской литературы, общественный деятель.

⁵ Библиографу газетного отдела Публичной библиотеки Марии Анатольевне Луковской я обязан справкой о некрологе в газете «Речь» (основана дядей Б. Я. Бухштаба по материнской линии Ю. Б. Баком) от 25 февр. (10 марта) 1917 г., № 53 (3795), с. 6. Привожу его целиком:

Вчера вечером в Мариинской больнице после продолжительной болезни скончался Федор Федорович Фидлер. Ф. Ф. Фидлер родился в 1859 г., кончил курс в Петербургском университете и посвятил себя педагогической деятельности в качестве учителя языков в институтах и гимназиях.

Начиная с конца 70-х годов Ф. Ф. Фидлер обратил на себя внимание превосходными переводами русских поэтов на немецкий язык. Он переводил Пушкина, Лермонтова, Кольцова, Некрасова, современных писателей и поэтов. Ф. Ф. выпустил на немецком языке антологию русских поэтов, выдержавшую несколько изданий. Отличаясь чрезвычайно общительным и привлекательным характером, Ф. Ф. находился в близких отношениях со многими русскими писателями и поэтами и собрал богатейшую коллекцию автографов, из которых многие имеют и большую литературную ценность.

Ф. Ф. Фидлер являлся деятельным членом всех русских литературных организаций Петрограда.

Возможно, автором был душеприказчик Ф. Ф. Фидлера С. А. Венгеров (см. статью в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (СПб., 1902. Т. 70. С. 658) за подписью «С. В.»).

По сообщению К. М. Азадовского, Ф. Ф. Фидлер умер от эмфиземы легких; о происшедшем в Петрограде 23 февраля он, очевидно, не знал.

Другие газеты — «Петроградская», «Новое время», «Свет» — не напечатали даже извещения.